

У меня никогда не было кумиров...

Не так давно в Москве, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства на Делегатской, прошла ретроспективная персональная выставка произведений известного петербургского художника Владимира ГОРИСЛАВЦЕВА, которая стала событием в нашей художественной жизни. Его творчество – страстный, восторженный гимн родному городу. В прекрасных изделиях из фаянса, фарфора, шамота он представил доселе невиданную в прикладном искусстве широкую изобразительную панораму архитектурного величия Петербурга. Но это не хрестоматийные дворцы и усадьбы, а скромные здания времен Достоевского и Блока, каналы, мосты, набережные, улочки, переулочки, тупички, до которых мало кому из художников удавалось добираться.

– Вы, очевидно, очень жизненно-бывший человек?..

– Я счастливый человек! Родился в Барнауле, на Алтае, где в художественной студии получил азы изобразительного творчества. С благодарностью вспоминаю первого своего учителя и прекрасного человека Алексея Васильевича Ивлева. Наверное, более счастливого человека не было, когда увидел свою фамилию в списке принятых в Высшее художественно-промышленное училище имени В.И.Мухоморова. В Мухоморовке я встретил много интересных людей, педагогов, художников. Очень признателен за хорошую науку Владимиру Сергеевичу Васильковскому, по которому до сих пор сверяю свои дела и поступки. В Мухоморовском училище, кроме прекрасного профессионального обучения, старались привить студентам хороший вкус, чувства стиля.

Училище я окончил в 1970 году. Получил профессию керамиста, о которой всегда мечтал, которую люблю и лучше которой ничего не представляю. Я счастлив тем, что в свои 65 лет могу работать в полную силу и сделать еще многое.

– Так же удачно складывалась и ваша дальнейшая творческая жизнь?

– Не всегда. После окончания училища меня распределили на ленинградский завод “Стройфарфор”. Вскоре я был назначен его главным художником. Но администрация предприятия не разрешала мне заниматься авторским творчеством. Поэтому мне приходилось во время отпусков делать свои работы на других фарфоровых и фаянсовых заводах. Эти изделия я представлял на выставки. На ленинградские, всероссийские, всесоюзные, а позже на международные. Лишь в 1975 году мне удалось освободиться от “служебного хомута”, и я сразу же перешел на Комбинат декоративно-прикладного искусства. Первым моим крупным произведением стало монументальное оформление Дома культуры пошивочной фабрики в городе Тирасполе. Затем я сделал еще две монументальные оформительские работы. Но главными были и остаются станковые изделия из фаянса, фарфора и шамота. Преимущественно – из фаянса.

– Ваши произведения самобытны, оригинальны. Назову большую серию “Каналы и мосты Петербурга”, где каждый мост имеет свой неповторимый облик, свое лицо, свой характер. Они покоряют романтически-приподнятой живописью, широкой цветовой па-

В.Гориславцев

литрой, оригинальной техникой исполнения...

– Моя техника – подлазурная роспись солями металлов. Это довольно сложно, непредсказуемо, но красиво и эффектно. Такая роспись делается по отформованному, подсушенному, но еще не обожженному и неглазурированному керамическому изделию, называемому сушкой.

Затем изделие обжигается в специальной печи при температуре 1200 градусов, покрывается глазурью или эмалью. И снова обжигается. Этот технологический способ совершенно исключает какие-либо поправки, доработки, изменения. В отличие, пожалуй, от живописца, который в любое время может чуть ли не полностью переписать картину. В керамике это невозможно.

Роспись солями металлов – это своего рода “игра в рулетку”. Художник, применяющий эту технику, находится в положении игрока, он испытывает тот же азарт и нервное ожидание: что он получит в конечном итоге?!

– Кто из художников наиболее близок вам?

– Кумиров у меня никогда не было. Я ни под кого не подлаживался, ни на кого не оглядывался, ничего не заимствовал. Но еще в институте мне нравилось творчество мирикусников – Сомова, Добужинского, Бенуа, Остроумовой-Лебедевой, которые много работ посвятили Петербургу. У каждого из них меня привлекали какие-то особенности их письма. Анна Петровна Остроумова-Лебедева, по-моему, более всего поняла “душу города”.

– В лучших своих работах, как мне кажется, вы также почувствовали и открыли нам эту душу...

– Однако ж, когда я заканчиваю очередную работу, меня одолевают сомнения. Мне кажется, что я не достиг в ней желаемого совершенства, что-то не сделал, чего-то не добился, не додумал...

– Ваш Ленинград-Петербург настолько личностный, особенно по цветовой гамме, что даже знатоки города, бывает, не узнают сразу знакомые места...

– Да, мне об этом говорили. Но ведь я не слепо копирую натуру, не стремлюсь ее изобразить точно-точно. Я люблю по-своему “раскрашивать” здания, мосты, каналы, набережные, и не в те цвета, которые они сейчас несут, подчас по воле хозяйственников, а в иные, которые больше соответствуют моему замыслу, впечатлению, настроению. Цвет, тональность, колорит зависят от времени года, от времени суток. Дома утром кажутся по цвету одними, а вечером – совсем другими. В сумерки, в лунную ночь, в ненастье – третьими. Мой Петербург очень изменчив. Этим он и интересен.

– Как, наверное, и вообще творчество любого художника?

– Конечно. Художник меняется в разные периоды своего творчества, создает разные произведения, подчас совсем не похожие друг на друга. По стилю, цветовому выражению, по манере исполнения. Меня дажестораживает, если художник все время от ранних до последних работ остается одним и тем же. Ведь в 40 лет он должен быть иным, чем в 30. А в 50 может отказаться от всего ранее им созданного. И это естественный процесс...

– А вы в свои 65 отказываетесь ли от того, что совершили в 30?

– Нет, не отказываюсь. Хотя работаю сейчас во многом по-другому. Но те, прежние, мне так же дороги, как и последние. Ну, хотя бы мой диплом – декоративные тарелки “Подмосковье”. Это – “Загорск”, “Конаково”, “Гжель”, “Кусково”. Их я даже поместил в особый раздел на персональной выставке в Музее на Делегатской. Или вот скульптурная композиция “Неоконченный разговор”, исполненная в конце 70-х годов. Это два кресла, на которых как бы остались тени женщины и мужчины, некогда здесь беседовавших. Но разговор так и остался незавершенным. Или серия фаянсовых блюд “Алтай”.

– Вы всемирно признанный художник, обладатель многих профессиональных наград...

– В 1983 году я был избран в члены Международной академии керамики в Женеве. А в 2001-м – членом-корреспондентом Российской академии художеств, которая удостоила меня высокой награды – Золотой медали. Постоянно участвую в международных выставках и симпозиумах. Мои работы дважды – в 1979-м и 1982 годах – получили первые премии на Международных конкурсах в итальянском городе Фазенце. Ныне эти мои работы экспонируются в Международном музее керамики в Фазенце. Регулярно провожу мастер-классы в разных городах США и Великобритании.

Мои изделия находятся в России, Италии, Франции, США, Швейцарии, Венгрии, Украине. У нас – в Русском музее, Историческом музее, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, в Кускове, Царицыне, Архангельском.

– Тем не менее кормит ли вас керамика? Востребованы ли сейчас ваши произведения?

– Сейчас на мое искусство прожить нельзя. Но я привык к тому, что на керамике много не заработаешь. Может быть, последние годы я и сам был виноват – неохотно расставался с работами, сохранял их для персональной выставки. После нее часть экспонатов разошлась по музеям. А в Музее-усадьбе “Архангельское” я устроил выставку “Мосты Петербурга”, на которой показал 40 декоративных блюд.

Конечно, мне, как любому художнику, хотелось, чтобы мои работы попадали в музеи, разные коллекции, радовали бы людей, а не оставались в мастерской. Ныне керамическое искусство, к сожалению, переживает трудные времена. Если в Москве Комбинат прикладного искусства кое-как существует, то в Петербурге такой комбинат еле-еле дышит. Из 70 художников, на нем работавших, сейчас, наверное, и десяти не наберется.

– Над чем сейчас работаете?

– Продолжаю серию “Мосты и каналы Петербурга”. Этого мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Ведь в Петербурге 308 мостов. Из них я отобразил лишь 20. Продолжаю тему петербургских дворцов. Очевидно, возвращусь к своим “прогулкам” по Коломне, столь известной по поэме Пушкина. Там, на бывшей окраине города, у меня была мастерская, поэтому я этот район знаю хорошо.

Готовлю выставку, которая состоится в Музее Александра Блока.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

Петербург – 2004 – 14-20 окт – с. 10